

Если говорить о том, кто лучше всех знает Ло Инбая, то Ся Сяньнин считал себя вторым, и никто не осмелился бы назвать себя первым. Ранее он был настолько ослеплён любовью, что потерял способность здраво мыслить, но сейчас, увидев, как Ло Инбай суетится, пытаюсь объяснить, но не зная, что сказать, и вспомнив изменения в массиве, Ся Сяньнин вдруг осознал что-то.

Волна радости поднялась из его сердца, он крепко сжал плечи Ло Инбая и, серьёзно глядя на него, вдруг засмеялся, в его смехе было и безумное счастье, и неверие.

Ло Инбай...

Это чувство было похоже на то, как если бы ты долго находился в темноте, и вдруг загорается свет, ослепляя и заставляя глаза слезиться.

Сердце Ся Сяньнина бешено колотилось, он не мог успокоиться, быстро опустил голову, упёршись лбом в плечо Ло Инбая, чтобы привести себя в чувство, затем, прежде чем тот успел отстраниться, отпустил его и, выпрямившись, бросил лёгкий взгляд на Вэй Шоу.

Вэй Шоу и не собирался подслушивать, просто эти двое, разговаривая с ним, вдруг начали флиртовать, и он не успел среагировать. Увидев взгляд Ся Сяньнина, он тут же убежал, как заяц.

Он отпустил его, но тепло от крепкого сжатия всё ещё оставалось на плечах. Ло Инбай, глядя на Ся Сяньнина, почти начал думать, что у того проблемы с психикой.

Посмотрите на этого ребенка, который сошёл с ума из-за признания в любви, и это вызвало в нём чувство глубокой жалости.

Ло Инбай вздохнул, понимая, что так нельзя. Он с трудом собрал мысли и серьёзно сказал:

— Сяньнин, я услышал твои слова, и я понял их. Я говорю тебе, что, что бы ты ни сказал или ни сделал, ты всегда останешься Ся Сяньником, и я никогда не стану тебя винить или ненавидеть. Но...

Он слегка нахмурился, и его обычно весёлый взгляд стал холодным и высокомерным:

— Но за эти дни и гу цветения персика, и Великий массив Дацзянгун — всё это вещи, влияющие на разум. Я не хочу, чтобы ты, поддавшись мгновенному порыву, сделал что-то, о чём потом пожалеешь...

Ся Сяньнин словно получил заряд бодрости, превратившись из вялого в полного энергии. Он с усмешкой произнёс:

— Ты не думаешь, что я сошёл с ума и поэтому признался тебе в любви?

Ло Инбай:

— Э-э...

Ся Сяньнин пристально посмотрел на Ло Инбая и прямо перебил его:

— Ты думаешь, что моё признание — это просто результат временного помутнения рассудка? Ты ошибаешься. Я давно тебя люблю, просто не решался сказать. Для меня нет ничего «временного».

Ло Инбай:

— Ты... давно?

Ся Сяньнин, глядя на человека перед собой, сложил руки за спиной, сдерживая желание обнять Ло Инбая. Его слегка свободная одежда слегка колыхалась от ветра, проникающего через окно, подчёркивая стройную фигуру.

— Да, я слишком хорошо тебя знаю. Твой характер внешне тёплый, но внутри холодный, разум всегда преобладает над чувствами. Ты можешь сделать многое для других, но тебя трудно заставить влюбиться. Именно поэтому я так долго колебался.

Ся Сяньнин говорил уверенно:

— С тех пор как я осознал, что люблю тебя, я не спал спокойно ни одной ночи. Я постоянно взвешивал, стоит ли говорить тебе, как сказать, что ты скажешь и как поступишь. Я всегда думал: а что, если ты отдалишься от меня?

Ло Инбай молчал, а Ся Сяньнин мягко продолжил:

— Ты уже однажды оставил меня, я не могу позволить этому случиться снова. Я могу не быть с тобой, но я должен видеть, что ты живёшь хорошо рядом со мной.

Его слова немного успокоили Ло Инбая, и он решил говорить прямо:

— Ты прав, у меня есть сомнения. Сяньнин, может быть, это из-за того, что я всегда шутил с тобой, у тебя появились такие мысли? Может быть... я тебя испортил?

Ся Сяньнин уловил нотки вины в голосе Ло Инбая, и ему стало одновременно и смешно, и

жалко его. Он мягко сказал:

— Нет! Что значит «испортил»? Это не твоя вина, это вообще не ошибка. Я признаю, что если мы будем вместе, нам придётся столкнуться с множеством трудностей, но какие бы препятствия ни возникли, я сделаю всё, чтобы взять их на себя, не обременяя тебя. Я, Ся Сяньнин, сказал это, и если нарушу, пусть меня поразит молния.

Это было почти невозможное обещание, но Ся Сяньнин произнёс его так уверенно, что было ясно: он уже всё обдумал, и если сказал, то обязательно сделает.

Ло Инбай, однако, не чувствовал радости. По правде говоря, его сомнения касались вовсе не его самого — он даже не думал о себе, все его мысли были о том, как это повлияет на Ся Сяньнина:

— Это я беспокоюсь? Я беспокоюсь за тебя! Сяньнин, ты не такой, как я. Я с детства был безответственным, мне всё равно. А ты? Ты... ты такой хороший человек, ты из-за меня не сможешь жениться, завести детей, как я могу...

— Я совсем не хороший. Если в моей жизни и есть что-то, чем я могу гордиться, так это то, что ты меня полюбил. Не жениться и не иметь детей — это тоже хорошо. Ты будешь моей женой, моим ребёнком, и у меня не так много любви, чтобы делить её на части. Мы будем беречь друг друга, разве этого недостаточно?

Ся Сяньнин глубоко вздохнул:

— Я тоже думал обо всех твоих сомнениях, но в итоге понял, что самое важное — это только ты.

Он говорил, идя вперёд, а Ло Инбай, слушая, невольно отступал.

Ся Сяньнин продолжал:

— Поэтому, если бы ты действительно не любил меня, ты бы так не реагировал. Ты бы спокойно объяснил, почему мы не можем быть вместе, а затем ушёл бы далеко, оставив меня разбираться с этим самому. Старший брат, твоё сердце слишком жёсткое и слишком мягкое одновременно. Ты не даёшь надежды тем, кто тебе безразличен, но не можешь разочаровать меня.

Ло Инбай:

— Я...

Ся Сяньнин:

— Старший брат, прошу тебя, не игнорируй свои чувства ради других. Подумай. Если ты не любишь меня, не любишь мужчин, то я не буду настаивать. Но так ли это?

Да, так ли это?

Ло Инбай остановился, за его спиной не было пути.

Расстояние между ними сокращалось, и Ся Сяньнин вдруг взял его за руку, крепко сжал и мягко сказал:

— Твоя ладонь потеет.

Ло Инбай не знал, что думать. В этот момент его мозг запутался, и он, словно под гипнозом, произнёс что-то совершенно не относящееся к делу:

— Твоя... твоя тоже.

Ся Сяньнин выглядел спокойным и уверенным, но его рука, сжимавшая Ло Инбая, была горячей, а ладонь слегка влажной. Оказывается, он, такой уверенный, тоже боялся.

Ся Сяньнин замолчал, затем улыбнулся и сказал:

— Да, потому что я нервничаю. Потому что я тебя люблю.

Его голос слегка дрожал, но он смотрел прямо на Ло Инбая, и в его обычно холодных глазах светились мягкость и улыбка. Он спокойно произнёс:

— Видишь, я честнее тебя. Говорить то, что думаешь — это не так уж плохо.

Ло Инбай...

Он невольно прикрыл лицо свободной рукой и прошептал:

— Боже мой...

Даже прикрыв глаза, он чувствовал учащённое дыхание Ся Сяньнина, тепло его тела и... все те воспоминания, которые уже давно жили в его голове.

Ло Инбай резко развернулся и с силой ударил ногой в стену за спиной, злясь на неё:

— Я сойду с ума!

Ся Сяньнин положил руку ему на плечо сзади, намереваясь успокоить, но Ло Инбай внезапно развернулся и крепко обнял его.

В этот момент мир словно замер, разум полностью уступил место сердцу. Когда их тела плотно соприкоснулись, чувства вспыхнули, освещая всё вокруг.

Ся Сяньнин отшатнулся на два шага, внезапно поняв ответ другого, и тут же без колебаний обнял его в ответ.

Его объятия наполнились, как и его сердце. Вокруг было тихо, но Ся Сяньнину казалось, что весь мир взорвался фейерверками.

Он был вне себя от радости, но всё ещё не мог поверить. Та уверенность, с которой он говорил ранее, куда-то исчезла, и он почти с мольбой прошептал Ло Инбаю на ухо:

— Что это значит?

<http://bllate.org/book/15511/1396205>